

благочестивыми людьми (это особо подчеркнуто в характеристике каждого из них), они и в последние решительные моменты жизни вспоминают епископа Кирилла. Мученической кровью своей князья «омываются», искупая совершенные ими в жизни прегрешения, и тем самым избегают будущих страданий. Народ оплакивает князей как страстотерпцев-подвижников. Тела погибших епископ переносит в Ростов, и то, что они опять оказываются рядом, рассказчик трактует как знак особой божьей к ним милости: «Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совокупи бог телеси ею»³⁹ (л. 163). По рассказу Лаврентьевской летописи, дружная борьба с татарами — пусть даже неудачная — богоугодное, святое, спасительное дело.

Обогащаем этой чертой наши представления об идеалах редактора, и перед нами проявляется утопическая картина крестоносной борьбы сплоченных церковью русских князей против татар.

В ходе кодикологического анализа Лаврентьевской летописи выяснилось, что при переделке XXI и XXII тетрадей была проделана значительно большая работа, чем то требовалось для переработки только повести о Батыевом нашествии; отсюда был получен вывод, что, кроме повести, редакторы коснулись и предшествующего ей рассказа о появлении татар в 1223 г. и о битве на Калке. Теперь, сравнивая летописи, мы видим, что первая часть первого рассказа Лаврентьевской о татарах (со слов «Того же лѣта явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть...» и до слов «и придоша близъ Руси, иде же зовется вал Половечскый» включительно, — л. 153—153 об.) за редким исключением дословно тождественна с началом соответствующего рассказа Новгородской I летописи (со слов «Того же лѣта по грѣхом нашим придоша языци незнами, их же добръ никто же не вѣсть...» до слов «и придоша близъ Руси, иде же зовется вал Половечскы» включительно, — лл. 95 об.—96 об.). Какой же из этих текстов зависит от другого?

В Новгородской I летописи это пространное рассуждение о том, кто такие татары, представляет собой неторопливое начало большого обстоятельного рассказа (лл. 95 об.—99 об.) о случившемся в 1223 г., причем конец этого рассказа перекликается с началом («И не съвѣдаем, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять. Бог вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша»). В Лаврентьевской же летописи то же самое начало составляет большую часть неоднородного рассказа: сразу по окончании совпадающего с Новгородской I отрывка изложение меняет свой характер и становится кратко информативным, так что стилистический контраст очевиден. Тут же в Лаврентьевской летописи следует созданное, на наш взгляд, редактором 1377 г. оправдание Василька Константиновича в том, что он не пришел на помощь русским князьям («не утяну» — не успел), имеющее в виду, как мне кажется (об этом шла речь выше), замечание о Васильке Ипатьевской летописи («Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад»). Рассказ о появлении татар и о битве на Калке в Новгородской I летописи, несомненно, более целен и по отношению к Лаврентьевской первичен. Выше было показано, что повествование Лаврентьевской о Батыевой рати откровенно контрастирует с соответствующими повествованиями Ипатьевской и Новгородской I летописей. Совпадение текстов, о котором сейчас шла речь, убеждает в том, что редакторы 1377 г. действительно имели во время работы перед глазами текст Новгородской I летописи, и, значит, этот контраст не случаен.

³⁹ Это место тоже несамостоятельно: здесь ощущается если не текстуальное, то смысловое влияние рассказа о посмертном «сѣвкуплении тѣлом» святых Бориса и Глеба в статье 1015 г. (л. 47), — отсюда редактор обильно черпал материал.